

Gábor Bereczki, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, Szeged 1994 (Studia Uralo-Altaica 35). 154 с.; II., Szeged 1992 (Studia-Altaica 34). 129 с.

0. Габор Беречки — один из наиболее компетентных и подготовленных исследователей структуры и истории марийского языка. Последней его работой о структуре марийского языка является учебное пособие на венгерском языке «Chrestomathia cseremissica» (= ChrCer, Budapest 1990), предназначенное для университетского курса и подготовки ученых-лингвистов в Венгрии. В этом учебном пособии для университетов его автор знакомит с историей исследования марийского языка (с. 3—10), марийскими диалектами (с. 11—16), лугово-восточным марийским литературным языком (с. 17—19) и на основе всего этого описывает особенности фонетики, морфонологии, морфологии и синтаксиса марийских «диалектов, говоров и подговоров» (с. 20—78). Далее прежде всего следуют записанные в латинице тексты на горном, лесном и липшинском подговорах, северо-западном и йошкар-олинском говорах западного диалекта, затем на центральном и волжском подговорах лугового говора восточного диалекта, а также на вятском и уфимском подговорах вятско-уфимского говора, и наконец, литературные тексты, записанные в кириллице, из произведений С. Чавайна, Ш. Осыпа и Я. Элексейна (с. 79—98; переводы на венгерский язык: с. 124—142). Учебное пособие завершают словарь, включающий более 1300 словарных статей и интересные этимологические замечания (с. 99—123), и подробный список литературы — как по исследованию марийского языка, так и более общей тематики, почти 600 названий (с. 145—167). Особого упоминания заслуживают при этом несколько имен, многократно встречающихся в списке: Э. Беке, Н. Исанбаев и Г. Лаврентьев (по 25 публикаций), Г. Беречки (23), И. Галкин (20), Б. Серебренников (19), Ф. Гордеев и Г. Тужаров (по 18), В. Васильев (17), А. Алхониemi (16), И. Иванов (15), Л. Грузов (14). Из перечисленных 23 работ Г. Беречки треть носит описательный характер, а две трети — исторический. Этот факт еще раз подтверждает, что ученого в первую очередь привлекает сравнительно-историческое языкознание. (Оценку научной деятельности Г. Бе-

речки см.: P. K o k l a, Gábor Bereczki — 60. — СФУ XXIV, с. 124—126; о научной работе в период 1957—1987 гг.: Bereczki Em-lékkönyv, Budapest 1988 (Urálisztikai tanulmányok 2), с. 35—67).

1. Рецензируемый здесь двухтомник вырос из докторской диссертации автора, защищенной им в 1987 году в Будапеште (A cseremisz nyelvtörténet alapjai. Doktori értekezés tézisei, Budapest 1985). Сюда же можно отнести компактный обзор истории двух финно-угорских языков волжского региона — марийского и мордовского (с. 314—350) — в изданной под редакцией Д. Сайнора книге «The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences» (Leiden 1988). Представляемая в этой рецензии работа по сравнению с марийской частью обзора на 20 страницах (с. 331—350) увеличилась в объеме примерно в 15 раз, хотя она включает лишь фонетический и частично лексико-этимологический разделы задуманной Г. Беречки серии (из трех частей), историческая морфология и синтаксис в эти два тома не вошли.

2. В первом томе, посвященном исторической фонологии, автор определяет место марийского в семье финно-угорских языков (2.1), описывает систему марийских диалектов и их особенности (2.2), знакомит с развитием консонантизма уральского языка-основы в марийском языке (2.3), анализирует важнейшие, частично до сих пор спорные вопросы формирования марийской системы гласных (2.4) и, наконец, рассматривает проблематику марийской вокальной гармонии (2.5) и ударения (2.6).

2.1. Глава «Место марийского языка внутри финно-угорской языковой семьи» (с. 5—16) на основе языковых фактов дает представление о прошлом марийского языка, его этногенезе. Марийский вместе с мордовскими, прибалтийско-финскими и саамскими языками составляют, как известно, прибалтийско-финно-волжскую ветвь финно-угорской языковой семьи. До недавнего времени было принято говорить и о волжском периоде, пришедшем на смену прибалтийско-финно-волжскому периоду, хотя Э. Н. Сетяля уже в 1926 году усомнился в былом

существовании волжской общности. Г. Берецки при обстоятельном сопоставлении двух языков в области марийской и мордовской фонологии и морфологии не обнаружил ни одной — и с к л ю ч и т е л ь н о в этих двух языках встречающейся — общей черты (в ином плане высказывался по этому вопросу, например, в 1986 году Дь. Дечи: UAJb. 58, с. 154—155), и среди 492 элементов, на основе которых марийский язык отнесен к финно-угорским, по его мнению, лишь 13 имеют возможную исключительно марийскую этимологию. Следует упомянуть, что Дь. Дечи, приверженец идеи о существовании когда-то волжского финно-угорского периода, в одной из новейших своих статей «Lexical Innovations of the Volga-Finnic Epoch» (— Comparative-Historical Linguistics. Indo-European, and Finno-Ugric. Papers in Honor of Oswald Szemerényi III, Amsterdam—Philadelphia 1992, с. 521—527) среди перечисленных им пятидесяти марийско-мордовских этимологических пар происхождение примерно сорока — принимая уже известные сведения о десяти остальных — относит к акцентуруемому им волжскому периоду. Однако среди приведенных в словниках — в том числе в UEW и этимологическом разделе рецензируемой работы Г. Берецки —, как нам представляется, кроме упомянутых 13, эти два финно-угорских языка волжского региона других «инноваций волжского периода» не обнаруживают. Из упомянутых Г. Берецки 13 пар Дь. Дечи приводит 10 (у него отсутствуют *ora* 'нарьв', UJ *pič̣m̄š* 'каша' и PS *šomba* 'жердь для гона (принадлежность рыбалки)'), наряду с этим, как мне кажется, относительно еще трех пар слов, фигурирующих у Дь. Дечи, нельзя полностью исключить предположение об общих марийско-мордовских корнях (это марВ *liim* 'имя', *pīrö* 'брага', *umbal-* 'за, через'). Тем самым прогнозируемое в статье Дь. Дечи 1992 года число 65—70 для возможных лексических свидетельств наличия в прошлом «волжского периода», учитывая результаты дальнейших этимологических сопоставлений марийско-мордовских основ, едва ли достигнет в будущем 20. Наряду с результатами Г. Берецки и Э. Н. Сетяля, исследования И. Эрдейи, Д. Гено, Л. Керестеша и других лингвистов свидетельствуют о том, что вряд ли есть основания говорить о существовании волжского языка-

основы, который до сих пор никому не удавалось реконструировать. И напротив, бросается в глаза значительное сходство, с одной стороны, марийского языка с пермскими и тюркскими языками, а с другой стороны, мордовского языка с прибалтийско-финскими (последние имеют древнее происхождение, первые же большей частью представляют собой заимствования, которые отражаются в усвоении марийским языком пермских, а также среднебулгарских и позже чувашских элементов).

2.2. В главе «Классификация марийских диалектов» (с. 17—29), которая является органичным продолжением предыдущей главы исторического плана, автор в отличие от классификации Л. Грузова, построенной на географической основе, использует языковой принцип; привлекая многие новые аспекты, он выделяет марийские диалекты, а внутри них говоры и подговоры. В его группировке основополагающая роль отводится вокализму, ударению, а в области морфологии — форме множественного числа (сюда можно отнести характер гармонии гласных, лексические различия и т.д.). Г. Берецки группирует марийские диалекты в соответствии с изложенными в марийской хрестоматии (ChrCer, с. 11—16) принципами, но делает это в рецензируемой работе гораздо основательнее. Обстоятельную и четко построенную главу иллюстрирует менее удавшаяся карта, пользоваться которой достаточно трудно (с. 28), на карте приведены сокращения названий пунктов сбора материала, введенные Э. Беке (расшифровку этих сокращений см. на с. 150—152).

После исторической и других глав описательного и классификационного характера идут главы, тема которых — основной материал этого тома — формирование системы гласных и системы согласных в марийском языке. Анализируя развитие согласных звуков, автор дискутирует с Л. Грузовым, а описывая формирование гласных, — с В. Штайнитцем и Э. Итконеном. При этом в части истории вокализма его исследовательский метод во многом совпадает с методом Э. Итконена, но Г. Берецки больше внимания, чем финский лингвист, уделяет взаимным влияниям Волго-Камского ареала в целом.

2.3. В главе «Продолжение уральских согласных в марийском языке» (с. 30—64), как

следует из ее названия, приводятся соответствия предполагаемых 20 согласных праязыка в марийском языке в начале слова, внутри слова и иногда даже в абсолютном конце слова; затем рассматриваются члены сочетаний согласных, в том числе в составе связанных морфем, в составе суффиксов. Последнее делает анализ более полным и придает ему новизну. Отметим, что хотя в этом томе, соответственно поставленной в нем цели, автор занимается основными вопросами исторической фонологии марийского языка, как и во вводной части, где речь идет о месте марийского языка в семье финно-угорских языков, так и здесь при рассмотрении суффиксов с точки зрения фонетики и позже, например, в ходе анализа вокализма непервого слога (с. 132—136) мы получаем ответы и на целый ряд морфологических (и морфонологических) вопросов. В конце главы (с. 64) в форме таблицы представлена система древнемарийского консонантизма конца этого периода, которая отличается от таковой уральского/финно-угорского праязыка лишь тремя новыми — вариативного значения — неносовыми звонкими звуками (*b, d, g*), двумя новыми спирантами (*š, ž*), а также отсутствием альвео-палатального спиранта *δ'*, тем самым количество их в отличие от 20 в праязыке составляет 21 (а вместе со звонкими закрытыми звуками 24). В этой таблице, между прочим, шелевые *š, ž* ошибочно оказались среди аффрикат.

2.4. Определяющую роль в этом томе играет глава «История марийской системы гласных», состоящая из пяти разделов (с. 65—136). Тема первого — происхождение редуцированных гласных первого слога в марийском языке (с. 65—84; материал суммирован в девяти пунктах: с. 83—84). Г. Березки установил, что редуцированные первого слога в современных марийских диалектах не восходят к древнемарийскому периоду, а сформировались сравнительно поздно в результате иноязычного влияния: мар. *й* < древнемар. **и*, мар. **й* < древнемар. **ii*, мар. *э, ê* < древнемар. **i*. Марийский язык тем самым противоречит такой системе финно-угорских гласных — теории вокализма В. Штайнитца —, которая состоит из полных и редуцированных звуков. Во втором разделе главы после методического и весьма многостороннего анализа описываются древнемарийские резуль-

таты развития финно-угорских гласных первого слога (**a, *o, *и, *e, *ä, *e, *i, *ü*) (с. 85—108). Соответствия гласных в марийском языке, как собственно и в остальных родственных языках, представляют собой весьма пеструю картину, например, соответствиями ф.-у. **ä* и **e* могут быть в равной мере древнемар. **a, *e, *i, *ii*, а ф.-у. **a, *o, *и* — тоже в равной мере — **a, *o, *и*. Кроме того, автор на ряде примеров показывает, что современное марийское соответствие (марЗ) *ä* ~ (марВ) *a* можно возвести к ф.-у. **a*. Третий раздел посвящен марийским соответствиям предполагаемых для финно-угорского языка-основы долгих согласных (109—113). Г. Березки устанавливает, что марийские языковые факты не подтверждают наличие противопоставления краткий : долгий в языке-основе. Как раз наоборот: эта гипотетическая коррелятивная оппозиция была неизвестна и в прибалтийско-финно-волжском языке-основе по крайней мере до отделения марийцев. Марийский язык, таким образом, не подтверждает теорию вокализма Э. Итконена, согласно которой, как известно, система гласных языка-основы строится якобы на фонологическом противопоставлении кратких и долгих гласных. Четвертый раздел (с. 115—120) рассматривает формирование системы гласных первого слога в марийском языке и диалектах на базе поздней древнемарийской системы, состоявшей из семи гипотетических гласных — **a, *o, *и, *e, *i, *ö, *ü*; в этом разделе наряду с древнемарийскими диалектными словами среди многих других примеров используются при аргументации и результаты фонетических исследований иранских, пермских, тюркских и русских заимствований. В последнем, посвященном вопросам вокализма непервого слога пятом разделе (с. 121—136); материал суммирован в шести пунктах на с. 128—131) данной главы Г. Березки вполне оправданно обращает внимание на отсутствие необходимых предварительных исследований в этой области. Согласно имеющимся данным, финно-угорский гласный непервого слога **a, *ä, *e* исконных слов или а) стал редуцированным гласным (соответственно вторично преобразовавшись в полный звук), или же утратился б) в части марийских говоров либо в) в каком-нибудь марийском говоре. Мне хочется обратить внимание коллег, интересующихся данным

вопросом, на эту главу, в которой рассматривается формирование марийских свободных и связанных морфем, предлагается критический обзор соответствующей литературы, содержится чрезвычайно богатый лексический материал и, на мой взгляд, автор приходит здесь к весьма важным выводам.

2.5. В главе, посвященной проблемам гармонии гласных в марийском языке (с. 137—142), автор знакомит с тремя основными типами гармонии: а) отсутствие гармонии, соответственно б) лабиальная или в) палато-велярная. Он подчеркивает, что палато-велярная гармония в результате редукции конечного гласного основы привела к совпадению палатального и велярного гласных, т.е. гармония финно-угорского происхождения практически утратилась в древнемарийском языке. Сегодня в западномарийских говорах можно обнаружить, правда, палато-велярную гармонию вторичного происхождения, но это гармония не финно-угорского, а тюркского образца, предположительно, она могла возникнуть под чувашским влиянием.

2.6. Последняя глава первого тома повествует о словесном ударении в марийском языке (с. 143—145). Ударение в марийском падает на а) последний полный звук, б) предпоследний слог и на в) последний слог, как правило. Ударение в марийском языке тоже, вероятно, отражает влияние на него чувашского, однако окончательный ответ на этот вопрос возможен лишь в результате основательного изучения марийско-чувашских сопоставлений.

3. Второй, словарный, том группирует старые элементы марийской лексики — около 600 слов — в четыре списка по алфавитному порядку.

3.1. Г. Берецки, как уже отмечено, 492 марийских слова относит к финно-угорским по происхождению (с. 7—90). При определении древнего слоя марийской лексики большую помощь автор почерпнул в UEW, а также в работе Л. Керестеша "Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial" (Szeged 1986 (Studia Uralica 26)). В целом этимологии выполнены хорошо, но обнаруживается некоторая непоследовательность: в литературных комментариях, которыми снабжены все словарные статьи, слишком часто — в 29 случаях — отсутствуют словарные отсылки,

разъясняющие уральское происхождение слова, хотя среди них 14 словарных гнезд представлены и в UEW. Особый же интерес может вызвать происхождение остальных 15 — *iške* (ст. 19), *kān* (56), *kūžem* (136), *londem* (156), *lups* (172), *moštem* (189), *muš* (198), *ora* (236), *peškōde* (247), *pučumus* (272), *tošto* (416), *toivo* (418), *tumōž* (421), *tijūž* (430), *wiitēle* (492), которые в UEW отсутствуют (точнее на них нет ссылок), но среди которых, по-моему, к прибалтийско-финно-волжскому периоду следует отнести и те, что имеют этимологическое соответствие только в мордовском языке.

3.2. Второй весьма интересный список, включающий 16 словарных статей, описывает те марийские слова, которые хотя и имеют возможные соответствия в родственных языках, но — в первую очередь по причинам, связанным с культурно-предметной историей, а также, например, из-за фонетических причин — мы не можем рассматривать их как финно-угорские по происхождению, а обычно считаем самостоятельно заимствованными из разных — большей частью иранских — языков.

3.3. Второй и третий списки содержат пермские заимствования в марийском языке: прежде всего древнепермский или точнее древнеудмуртский слой, состоящий из 41 словарной статьи (с. 97—114), затем слой удмуртских заимствований, представленный 30 словами (с. 115—129).

4. Подводя итоги, о двухтомном труде профессора Г. Берецки можно сказать: в первом томе автор, собственно говоря, представляет историческую фонетику марийских говоров, а во втором собрал самые древние элементы марийской лексики. Эту работу необходимо отметить как высшее достижение его исследований в области марийского языкознания благодаря ясному, наглядному построению материала, умению автора вникнуть в суть вопроса, изложению ряда новых положений, критичному и в то же время корректному творческому использованию обстоятельно изученной литературы — опубликованной и рукописной (в том числе, например, материал диалектного словаря Э. Беке), убедительности выводов, основанных на уверенном знании живого языкового материала марийцев и их соседей по Волго-Камскому региону. Учебное пособие автора можно рассматривать как основной труд по марийской истории-

ческой фонологии и этимологии, который из-за своей компактности не представляет собой легкое чтение, но для специалистов финно-угроведов знакомство с этим трудом мы считаем необходимым, поэтому рекомендуем — в несколько отредактированной форме — издать эту работу как отдельную монографию и на русском языке, хотя бы как университетский учебник,

предназначенный в первую очередь для студентов и преподавателей марийского или финно-угорского отделения Йошкар-Олинского университета. В этом издании легко будет устранить имеющиеся в немецком варианте мелкие непоследовательности, библиографические пробы и ошибки и т.п. Кроме того, необходимо снабдить новое издание указателем марийских слов.

ГАБОР ЗАЙЦ (Пилишчаба—Будапешт)

Г. С. Лыткин, Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. 1383—1501, Санкт-Петербург 1889 (Переиздание 1995). 464 с.

К 600-летию со дня кончины выдающегося миссионера-просветителя коми св. Стефана Пермского (ок. 1339—1396) частное издательство «Полярная звезда» Льва Смоленцева по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и при поддержке многочисленных спонсоров выпустило факсимильное издание уникальной книги о языке и истории народа коми.

Переиздание работы Г. С. Лыткина посвящено не только 600-летию со дня кончины св. Стефана Пермского, но и приурочено к международной научной конференции «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры», которая состоялась 6—8 мая 1996 г. в Сыктывкаре.

Книга Г. С. Лыткина впервые увидела свет 110 лет тому назад (тираж 2000 экземпляров). Тираж ее нынешнего переиздания превышает 3000 экземпляров.

«Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» — книга бесценная. Она взаимно обогащает русскую и коми культуры. Первый отдел включает статью «Пятисотлетие зырянского края», посвященную 500-летию юбилею епископской кафедры Стефана Пермского в Усть-Выми и опубликованную в 1883 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 12). Автор характеризует св. Стефана Пермского как первого просветителя коми, для которых он разработал специальную древнепермскую азбуку и создал грамоту, организовал школы и подобрал учеников, осуществил переводы на язык древ-

них пермян церковных книг, по которым проводилась служба в церквях. Эту статью Г. С. Лыткин дополнил «Жизнеописанием св. Стефана, просветителя зырян», составленным церковным писателем Епифанием Премудрым, и материалом «Пермские епископы после св. Стефана» на русском и коми языках. Юбилейную статью и переводы Г. С. Лыткин снабдил комментариями и многочисленными примечаниями.

Второй отдел книги посвящен исследованию коми и родственных языков, это плод долгих научных разысканий Г. С. Лыткина. В данный отдел вошли «Грамматика зырянского языка» на русском и коми языках, «Зырянско-русский словарь с приложением мордовских слов», «Вотяцко-русский словарь» и «Русско-вотско-зырянский словарь». Названные словари выполнены на высоком для того времени научном уровне.

В третьем отделе книги помещены «Азбука церковнославянская, русская гражданская и зырянская», переводы, сделанные Г. С. Лыткиным с коми языка на русский и с русского языка на коми. С коми языка он перевел народные сказки, пословицы и поговорки. Благодаря Г. С. Лыткину коми читатели могли познакомиться с такими широко известными русскими сказками, как «Репка», «Колобок», «Теремок», «Волк и семеро козлят» и т.д. Эти переводы, как и оригинальные коми народные произведения, являются образцами коми литературной речи — особенно в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношениях.

Книга снабжена приложением — «Зы-